

ОЛЬГА ДАШКОВА

ДАНЬ

ДЛЯ ПАЛАЧА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Ольга Викторовна Дашкова

Дань для палача

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68675885

SelfPub; 2023

Аннотация

У меня было все. Любимая женщина, лучший друг, власть, будущее. Пока меня не предали близкие. Но я выжил. Стал сильнее и злее. Одержимый мстью, я буду наказывать каждого, кто встанет на пути. Я возьму высокую плату, заберу самое дорогое. Я – палач и пришло время собирать дань.

Содержание

Глава 1 Сафин	4
Глава 2 Сафин	10
Глава 3 Сафин	16
Глава 4 Сафин	23
Глава 5 Сафин	30
Глава 6 Влада	37
Глава 7 Влада	44
Глава 8 Влада	51
Глава 9 Сафин	58
Глава 10 Влада	65
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ольга Дашкова

Дань для палача

Глава 1 Сафин

– Привет, красавчик, не желаешь отдохнуть?

Девушка в кожаной куртке поверх блестящего топа наклонилась к открытому стеклу автомобиля.

– Ну, так что?

Она медленно двигала челюстями, пережевывая жвачку, яркая помада, накладные ресницы. За столько лет ничего не изменилось, проститутки на дорогах остались все те же.

– Сколько?

– Ну, смотря что ты хочешь, я много чего умею, тебе точно понравится.

Сжал челюсти, хотелось плюнуть на землю, но лень открывать дверь. Оживленная трасса, рядом заправка и какая-то забегаловка с неотъемлемыми дальнобойщиками и проститутками.

– Минет.

– Пятьсот.

– Рублей?

– Нет, родной, евро! Конечно, рублей, но если ты такой щедрый, можешь дать и больше.

В мое время пятьсот рублей были хорошей суммой, но для меня все равно ничего не значили и не стоили, деньги были просто яркими бумажками, никто их тогда даже не считал. А сейчас пятьсот рублей стоит минет третьесортной шлюхи с обочины. Может, и тогда цены были такие же?

– Садись, покатаемся.

– Только недалеко, – девушка резво запрыгнула в автомобиль.

– Не волнуйся, это совсем рядом.

Проехали всего пару сотен метров, свернув в ближайший лесок, машина резко затормозила, девица огляделась по сторонам.

– Не боишься, что я тебе могу свернуть шею?

– Конечно, боюсь. Но ты ведь не свернешь? Глаза у тебя хорошие.

Смотрю на проститутку, та лишь улыбается, мое же лицо почти полностью скрывает накиннутый на голову капюшон толстовки. И как она разглядела хорошие глаза?

– Выходи.

Вышел сам, потянувшись всем телом, путь был неблизким, почти тысяча километров с самого утра лишь с двумя остановками. Посмотрел на темное небо, там сверкали маленькие звезды, какое это счастье – видеть его не через тюремную решетку.

Достал сигарету, прикурил.

– Ну, чего встала? Приступай.

– Деньги вперед. А то я знаю вас таких, сначала выебут во все дыры, а потом отправят гулять по трассе без одежды.

– Тяжелая у тебя работа, я смотрю.

– Нормальная.

Достал из кармана джинсов пачку денег, сунул в руки две купюры, даже в темноте было видно, как заблестели глаза проститутки. Быстро встала на колени, бросив сумку в траву, начала расстегивать ремень и ширинку, доставая полуэрегированный член.

– Ого, вот это агрегат, – выплюнула жвачку, облизала губы.

Ничего не ответил, прикурил, затянулся, продолжая смотреть, как ее пальцы умело прошлись по стволу, сжимая, массируя его, облизала головку, причмокивая губами, обхватила ее полностью, слюнявя, проталкивая глубже в рот.

Шлюха и правда сосала умело, член стоял уже колом, по идее, после стольких лет воздержания я должен был кончить через минуту или просто от вида обнаженной женской плоти. Но напряжение не отпускало, все мышцы были скованы словно железными прутьями, а эмоции закрыты на засовы, как в том месте, из которого я вышел.

Тело было свободно. Сознание – нет.

Затянулся еще несколько раз, выдохнул дым в ночное небо, отшвырнул сигарету. Ухватив девку за голову, вгоняю напряженный член в самое горло.

Та начала хрипеть, вырываться, но ведь никто не говорил,

что будет легко. Если уж она пошла по этому пути, то пусть будет добра – принимает то, что ей дают, отрабатывая деньги, а они легко никому не даются.

Девушка хрипела, задыхалась, а я все натягивал ее рот на свой разбухший член, смотря на то, как по ее лицу текут слезы, как оно все покраснело, вены на висках вздулись, слюни с подбородка капают вниз.

Она что-то начала кричать, но в ушах лишь кипела кровь, долгожданное освобождение было так близко, еще несколько толчков, самых глубоких и резких, таких, что, кажется, сейчас в ее рот залезут мои полные спермы поджатые яйца, но они лишь бьются о подбородок.

Начал кончать, проститутка цеплялась за бедра, делая частые вдохи носом, хрипя горлом. А я все держал ее, сжав волосы на затылке, насилая рот, продолжая толчки.

Спермы было много, а я все кончал и кончал, заливая ее глотку, та не успевала глотать, член и так был слишком большим и едва помещался у нее во рту. Сперма вытекала наружу, а я все не отпускал ее, хрипел, как раненый зверь, кончая, запрокинув голову к небу.

– Сука ебаная!

Тут же отшвыриваю ее в сторону, проститутка безвольно падает на бок, ее рвет моей спермой, отплеывается, вытирая пальцами слезы, что катятся по щекам.

– Ты что, совсем ненормальный? Ты чуть не убил меня своим хуем.

– Ну, не умерла же.

Открыв дверь, достал влажные салфетки из бардачка, обер член, выкидывая их под ноги.

– Я могла подавиться твоей спермой, предупреждать надо, что ты откинулся.

– Так заметно?

– С первого взгляда – нет.

Ухмыльнулся, снова достал сигареты, прикурил, курить что-то более-менее нормальное за столько лет – это тоже счастье, как небо над головой и вымученный оргазм проститутке в глотку.

– Заслужила, – достал еще одну купюру, бросил ей на колени. – Обратно дойдешь сама.

Сел за руль, завел мотор, снова выехал на трассу.

Стало ли легче? Нет.

Легче станет, когда все заплатят по своим счетам и отдадут долги. Когда каждая тварь, что меня предала и подставила, умоется кровью и слезами. Меня даже никто не встретил, хотя все знали дату окончания срока, знали и затихарились, крысы позорные. Кроме одного человека, который дал эту старую тачку и денег, чтоб добраться до родного города. Моего города.

Снова глубокая затяжка до самого фильтра, окурок летит на обочину, рисуя в воздухе красивую дугу.

Я еду в свой город.

Город, в котором я был всем: царем и богом, хозяином и

покровителем. В город, где меня предали, тогда еще молодого и дерзкого, закрыв на семь лет. Думали, не выдержу, сдохну, загнусь или получу заточку под ребро.

Но я выжил.

Став еще сильнее, злее и свирепее.

Думал, что в двадцать семь моя жизнь только начинается, все впереди, деньги, любимая женщина, но как же я тогда ошибался. Сейчас я ровно на семь лет старше и помню каждого, кто давал против меня показания. Сейчас их лица мелькают в бизнес-новостях, видел их, на зоне был телевизор, один на триста человек.

Прикрыл глаза, машина ровно шла по остывшему после жаркого дня асфальту. А перед глазами лицо девушки и ее губы, шепчут: «прости».

– Тварь ебаная!

Резко по тормозам, машину заносит на обочину, снова быю по рулю, вымещая свою боль и ненависть, но через несколько секунд останавливаюсь, глубоко дышу. Снимаю капюшон, провожу по коротко остриженным волосам руками, на которых до мяса сбиты костяшки.

– Ну ничего, я ждал семь лет, подожду еще.

Глава 2 Сафин

– Ты будешь любить меня вечно?

– Конечно, малышка.

– До самой смерти?

– До самой смерти.

– И я тебя, до самой смерти.

Девушка улыбается, облизывает пухлые губы, накрывая меня шелковым облаком белокурых волос. В ее голубых глазах огоньки, ласкаю руками шею, а потом начинаю ее сжимать. Она дергается от испуга, пытается вырваться. Пальцы наливаются свинцом, давлю на тонкую шею, ей нечем дышать, пытается вырваться из моей железной хватки.

– Данил, Данил, прекрати.

– Конечно, до самой смерти, милая. До самой, сука, твоей, тварь, смерти.

Она хрипит, закатывает глаза, царапая грудь, оставляя на коже красные борозды.

Резко просыпаюсь, хватаясь за грудь, именно там, где было больно во сне, но болит совсем не кожа, а все нутро. Вся моя почерневшая за столько лет душа и сердце.

Открываю глаза, тру лицо руками. Уже светло, потолок в трещинах, видно, как частички пыли летают в воздухе. Сажусь на диване, откидывая смятую и мокрую от холодного пота простынь. Подняв с пола бутылку минералки, делаю

несколько жадных глотков.

С похмелья лишь слегка болит голова, и во рту горький и неприятный привкус. В ванной убогое зрелище. Облупившаяся краска на стенах, кое-где есть еще остаток когда-то белой кафельной плитки. Старый кран на соплях, умываюсь холодной водой, смотрю на себя в зеркало, провожу ладонью по небритой щеке.

— Ну, доброго и свободного утра тебе, Данил Константинович.

Квартира родителей встретила ночью пустотой и тишиной. Древняя мебель, которую я еще помню с детства, все те же шторы и ковры. Словно я попал назад, в прошлое, из будущего, которое у меня украли, закрыв на семь лет.

Спертый запах старых вещей и пыль, вот и все, что меня встретило. Вот и все, что у меня осталось.

Я совсем не здесь сейчас должен быть.

Это не моя судьба и жизнь.

Родителей давно нет, хорошо даже, что не дожили до того момента, когда мне в зале суда огласили приговор по «убойной» сто пятой статье. И дали Сафину Данилу Константиновичу, тогда еще двадцатисемилетнему здоровому мужику, семь лет заключения в колонии строгого режима за то, что я не совершал.

За то, что я не мог совершить.

А вот сейчас пришло время всем за все ответить и отдать то, что должны мне. Вернут то, что принадлежит мне по пра-

ву.

Ведь Сафин никогда никому ничего не прощал и не забывал.

А вот о нем забыли и расслабились. Суки ебаные.

Удар в стену.

Еще одни.

Костяшки сбиваются в кровь, приятно ноют болью.

Не поехал сразу к «дорогому другу», поехал домой, надо было подумать, хотя для этого было целых семь лет. А ведь у меня есть дом, свой дом, красивый, построил для любимой, что тоже оказалась тварью.

Именно ее, ту красивую блондинку, я душил во сне регулярно, чувствуя, как она хрипит, задыхается. Как закатывает глаза, а потом я сворачиваю ей шею, слушая хруст тонких костей.

Но та самая блондинка еще жива. Живет и радуется жизни, после того как показывала мне свои лживые слезы и лживую любовь.

– Сука, мразь!

В отражение треснутого зеркала смотрит суровый мужчина, зеленые глаза с черными крапинками на радужке. Мама говорила, что я особенный, не такой, как все, ни у кого нет таких глаз.

Темные, уже отросшие волосы, не стал стричься наголо, перед тем как откинуться, провел по ним мокрыми ладонями. Глубокая морщина между темных бровей, шрам на ле-

вом виске, уходящий на скулу, как напоминание моего семилетнего пребывания в местах не столь отдаленных, да таких «напоминаний» полно на моем теле.

Похудел, конечно, зона не санаторий, но зато стал шире в плечах. Теперь сплошные мышцы, обтянутые кожей. Поджарый, хищный, как волк, голодный до своей мести. Готовый разорвать горло, вырвать с мясом все жилы и артерии у шакалов, что меня предали и подставили.

За столько лет должно было отпустить, гнев и злоба – утихнуть, дав место расчетливости, но нет, это не про меня, не про Данила Сафина. Я никогда не принимал поражений, а чтоб смириться, это вообще не моя история.

Вода стекает по груди, снова умылся, смывая кровь с правой кисти, на которой была вытатуирована голова змеи с открытой пастью и зубами, дальше она обвивала всю руку до самого плеча. Казалось, что она живая, переливается чешуей и в любое мгновение может кинуться и впиться в тебя.

Снова сигареты, глубокая затяжка, выпускаю дым в открытое окно, за ним двор моего детства, заросший высокими деревьями, и уже начинающийся солнечный день.

Словно и не было этих семи лет, листва все так же зеленеет, люди спешат на работу, рождаются дети, жизнь ни на мгновение не остановилась. Но изменилось многое, а самое главное – я сам.

Надо что-то пожрать и наведаться к адвокату, а еще отметиться в полиции по месту прописки. Нашел свои старые

вещи, надел только футболку и потертую кожанку. Машина завелась бодро, хоть и старушка, отделение полиции встретило суетой, мои бумажки долго рассматривали.

– О, кого я вижу, Сафин, звезда вернулась в город.

Тучный подполковник скривил полные губы, Я лишь мазнул по нему взглядом, даже не хотел вести с ним беседу.

– А у тебя, я смотрю, звезд на погонах стало больше, а пузо все шире. Что, Сергей Ильич, хорошо живешь?

– Сафин, я тебя предупреждаю: один косяк – и пойдешь повторно. По тебе там уже соскучились.

Сжал зубы, выдернул из рук ничего не понимающего лейтенанта свои документы и пошел на выход.

– А кто это, Сергей Ильич?

– Ну, как кто – Саф, Сафин Данил, семь лет назад царь и бог нашего города, молодой, дерзкий, наглый, но даже такие за свою борзость получают реальные сроки. Отмороженный на всю голову был, как бы сейчас еще хуже не стал.

– Тварь конченная, – сел за руль, услышав все, что сказал подполковник, снова закурил, резко по газам, выехал с парковки, поднимая клубы пыли.

Помню Мальцева, тогда еще капитана, как он на мне первое время, когда доставили в отделение, вымещал всю свою ненависть, хотя сам кормился с моих рук. Тогда мне ничего не помогло – ни адвокат, ни деньги.

Кто-то дал больше, и меня закрыли.

Чтоб молчал, а лучше не вышел совсем.

Неприметное здание в самом центре, знаю, куда идти, дверь без таблички, вот тут ничего не изменилось. Пожилой мужчина сидит за столом, изучая через толстые линзы очков бумаги. Адвокат Михаил Робертович, друг семьи, наверное, единственный, которому я еще верю, и единственный, кто был со мной рядом.

– Данил, очень рад тебя видеть, как доехал? Без приключений?

– Хорошо, спасибо вам за машину и деньги. Я за другим.

– Да, понимаю, сейчас.

Мужчина встал, медленно прошел до большого старинного сейфа. Открыл, передал кожаную папку. В ней лежали документы на квартиру родителей, загородный дом и ключи от него, а еще ключ от ячейки в банке, несколько ценных бумаг.

Два новых, с ценниками, обручальных кольца в целлофановом пакете. «Ролекс» настоящий, выполненный в белом золоте, с десяток фотографий, на которые я не хотел смотреть, а главное, бумаги на несколько фирм и бухгалтерские документы.

– Спасибо, что все сохранили, Михаил Робертович, очень вам благодарен.

– Мне это ничего не стоило, но прошу тебя, Данил, не делай глупостей.

– Единственную глупость, что я сделал, так это считал крыс – друзьями.

Глава 3 Сафин

– Смотри, какая лялька, какая ладненькая и гладенькая. Давай, девочка, давай, покажи все свои красивые места. Саф, нравится лялька?

Приват-зона клуба «Район» сверкала неонами, лилась музыка, девочки на стойках крутили бедрами. Одна из таких сейчас красиво раздвигала ноги, зависала в воздухе, умело приподнимая себя на пилоне, тут же опускаясь.

Девушка старалась, выгибала спину, ползла на коленях, смотрела только на меня, не обращая внимания на разговорчивого Марата.

– Она хочет тебя, сука, тебя, Сафин, всегда все бабы хотели, чертяка ты.

– Все бабы хотели, а сел из-за одной.

– Черт, Данил, я реально не знаю, как так вышло, меня и в городе тогда не было. А потом, сколько бы я денег ни предлагал, все в пропасть летело, словно заговор. Подстава чистой воды. И никто ничего не говорил, словно вымерли, языки проглотили.

Да, в пропасть я улетел конкретную, разодрав кожу до мяса и костей, но ничего, выжил.

– Марат, все нормально, прошлого уже не вернуть. Настоящим жить надо.

Прошлого и правда было уже не вернуть, а вот подкор-

ректировать настоящее и будущее – вполне реально. Нужно только время, все снова упиралось в него.

Там, за решеткой, оно тянулось чертовски медленно, как тягучая липкая смола, обжигая и сдирая кожу до мяса. А вот сейчас его хотелось торопить, разогнать на полную, как гоночный болид, утопив педаль в пол.

Посмотрел на визитную карточку с красивым тисненым шрифтом, Минаев Вячеслав Олегович, номер телефона – и больше ничего. Стал до того большим человеком, что на визитке просто инициалы? На другой стороне белого картона был написан адрес элитного коттеджного поселка. Неплохо так устроился, Иуда.

Марат был уже почти пьян, как все-таки меняются люди за семь лет, хороший парень. Семь лет назад ему было двадцать три, веселый и открытый. А теперь говорит у него свой автосервис, тоже не просто так землю топчет.

– Я так рад, что ты вернулся, Саф, ты не представляешь, как рад. Извини, что не встретил, даже не знал.

– Все нормально.

Такое чувство, что никто не знал, словно и не было Сафина Данилы на свете, так, простой урка откинулся, каких сотни. Вычеркнули, стерли из памяти, выкинули на помойку.

Девочка легко шагнула вниз с подиума, подошла ближе, ноги длинные, красиво прогнулась, присела на корточки. Скользя по моим бедрам руками, царапая острыми ноготками плотную ткань джинсов, тут же задела колено голой

грудью.

Да, красивая, яркая, молодая совсем, глаза блестят. Склонил голову, вглядываюсь в ее лицо, вот она облизала губы, дотронулась до ширинки.

Под кайфом сразу видно.

– Ты не хочешь отдохнуть?

Слишком часто мне предлагают отдохнуть что-то.

– Похоже, что я устал?

– Нет, но все же?

Теперь что, так принято, уже стриптизерши сами предлагают пройти в приват?

Пригляделся лучше, сделал глубокую затяжку, глоток пива из бутылки. Я, конечно, не прочь отдохнуть, организм требовал свое. А у любого нормального мужика при взгляде на красивое женское тело член встает, и яйца наливаются спермой.

Затушил сигарету, девчонка уже встала на колени между моих широко раздвинутых ног, смотрела в глаза, словно просила ее трахнуть. Провел тяжелой ладонью по темным распущенным волосам, собирая их на затылке в кулак, оттягивая, так что ее повело назад.

Придвинулся ближе, разглядывая лучше, оценивая. В той, другой жизни, я бы и не посмотрел на нее, похуй на титьки и крепкий зад, у меня была своя девочка, любил ее как дурной, как ненормальный. Думал, что так можно только в семнадцать голову терять, а я свихнулся в двадцать семь.

Смотрел в ее голубые глаза и тонул, захлебываясь своим счастьем. Вот и потом захлебнулся – горечью, ядом предательства, хлебнул, по самое не хочу.

Провел пальцами по пухлым губам стриптизерши, та, высунув язычок, облизала его, просунул дальше. Она начала посасывать, член наливался возбуждением, а девчонка продолжала, при этом лаская мои бедра.

– Ох, нихуя себе, Саф, да она сама на тебя запала, – Марат присвистнул. – Давай, детка, покажи, как ты умеешь.

Резко встал, потянул девушку за собой. Темное помещение приват-кабинки, разворачиваю ее, вдавливая грудью в стену. Несколько движений, раскатываю тонкий латекс презерватива по члену, отодвигаю прозрачную полоску трусиков и вхожу сразу по самые яйца, отчего стриптизерша кричит, пытаюсь вырваться.

Сама ведь хотела, пусть получит, да и мне надо остыть. Толчки резкие, глубокие, сжимаю бедра, девушка прогибается, принимая меня полностью.

Оргазм не наступает долго, сознание не опускает и не дает расслабиться. Мысли вспыхивают яркими картинками, снова перед глазами голубоглазая блондинка, ее улыбка и шепот, губы.

Из горла вырывается хрип, трясую головой, хватаю стриптизершу за волосы, с силой натягивая. Но девушка лишь стонет в ответ, начинает сокращаться на члене, кончая, дергаясь всем телом. Наконец, получаю свое освобождение, при-

крываю глаза, запрокидывая голову, дышу часто, а на душе все равно мерзко и погано.

Так же резко выхожу из нее, девушка не удерживается на ногах, сползает на пол, поворачиваясь, цепляясь за мои колени. Снимаю презерватив, бросаю рядом с ней, в ее глазах блеск, тушь потекла, помада размазана.

– Ты ведь Сафин, да? Я знаю, но о тебе нельзя говорить. Хочешь, поедem ко мне?

А вот это интересно.

Почему это обо мне нельзя говорить?

Что за странные страшные сказки для детей?

Застегиваю ширинку, ремень, достав из куртки сигареты, прикурил, опускаясь рядом с девушкой на корточки. Рассматриваю ее несколько долгих секунд.

– Ты под кайфом?

Мнется, кусает губы.

– Нет, я не принимаю, у нас многие принимают, но я нет.

Врет, как дышит, наркоман никогда не признается, что он наркоман. Но это ее выбор, мне плевать.

– Так и что обо мне нельзя говорить? Что ты вообще можешь обо мне знать? Тебе сколько лет, девятнадцать?

– Недавно все шептались, что Сафин скоро выйдет, Карим говорил, что ты не оставишь все просто так, что нужно ждать войны. Что нынешняя крыша пойдет в братскую могилу и он боится, что она и его может потянуть.

– Кто такой Карим?

– Хозяин этого клуба.

Дальше стало неинтересно, поднялся, достал несколько купюр, сунул девчонке в ладонь. Карим Салимов, я знал его, но не близко, он и семь лет назад держал стрип-бары и несколько борделей, но сбытом не занимался.

А вот сейчас огромный клуб, не из дешевых. Ну вот, а я решил, что меня забыли, что этот город и не помнит моего имени.

Ждут войны? Все может быть.

Вышел на улицу, на парковке людно, теплая майская ночь, над головой яркие звезды, снова закурил. Рядом шумела молодежь, из открытых окон машин лилась музыка.

– Эй, девчонки, куда же вы? Поехали с нами, с нами весело.

Какие-то парни клеили девчонок, улыбнулся, качая головой, так забавно, обернулся, идя к своей машине. Недалеко от входа несколько парней у спортивной тачки рассматривали трех девушек, те топтались на месте. Две брюнетки – одна в брюках, другая в шортах – и блондинка в коротком платье.

– Ой, нет, мальчики, нам уже хватит веселиться, а то завтра зачет не сдадим.

Остановился на половине пути, словно припечатанный к асфальту, девушка, что стояла спиной, откинула с плеча длинные светлые волосы и обернулась.

Даже с такого расстояния было видно ее тонкие черты лица, взволнованный взгляд, как она кусает губы и смотрит на

телефон. Потом подняла голову и посмотрела на меня.

Дыхание перехватило, в груди словно провернули тупой заточкой, заталкивая все глубже, по самую рукоять.

Этого не может быть.

Это не она.

Это просто девушка, чем-то похожая на ту, что меня предала.

Ту, которую я любил, совсем не веря в любовь.

Очень похожая, и будто не было этих семи лет, словно я попал в прошлое.

Глава 4 Сафин

Яркий свет луны освещает почти пустую гостиную, делаю большой глоток водки прямо из бутылки, не отрывая взгляда от темного дверного проема.

Дом, как и квартира, встретил тишиной.

Толстый слой пыли на целлофановых чехлах, в которые была обернута когда-то новая мебель, люстры, обмотанные тряпками. В этом доме все было готово для того, чтоб жить долго и счастливо.

Сдернул чехол с дивана, бросив сумку, не стал включать свет, так и сижу уже который час с начатой бутылкой водки.

Здесь так никто и не жил все эти семь лет, и, наверное, никто и не появлялся. Я планировал внести в этот дом на руках свою молодую жену, а вышло, что меня отвели под руки в другое место.

Интересно, а будь она моей женой, ждала бы?

Нет, такие лживые суки с обманчивой внешностью ангела не умеют ждать. Они умеют только проникать под кожу, растворяясь там сладким ядом, отравляя сознание, туманя разум.

– К черту, – снова глоток, совсем не чувствуя алкоголя.

Семь лет не могу вытравить из почерневшего сердца – нет, не любовь, в топку любовь, ее как не было, так и нет.

Не в силах вытравить воспоминания.

Предательство съедало изнутри. Она просто отвернулась, не сказав открыто, что не будет ждать, да мне это и не надо было. Затихарилась, спряталась, как крыса, как и тот, кого я считал другом.

Пели соловьями, что ничего не могли сделать, убеждали, что я сам во всем виноват, что все улики и свидетели говорят против меня. Но я-то знал, что не мог никогда этого сделать. Уж что-что, а этот грех я на душу брать не стал бы.

Предали оба, развели как лоха, подставили, закрыли. Думают, что избавились, что им все сойдет с рук?

Но это не так.

Прикрыл глаза, уронив бутылку на пол.

Вспоминаю лицо девушки со стоянки клуба, длинные волосы. Вот она откидывает их на спину, оборачивается, смотрит прямо на меня.

Картинки мелькают, и теперь непонятно, где прошлое, а где настоящее.

– Ты такая нежная, я временами боюсь сделать тебе больно, даже когда целую.

– Не бойся, поцелуй. Целуй крепче.

Яркий свет ослепляет, шурюсь, чувствуя лишь хрупкое девичье тело в своих руках, тонкий цветочный аромат, зарываюсь пальцами в ее длинные волосы, под ладонями чистый шелк. Целую, губы мягкие, медленно пробую их на вкус. Девушка стонет, прижимается плотнее.

Сердце гулкими ударами отдается в груди, меня словно

разрывает от невероятного счастья. Я уже не понимаю, что происходит, хочу отстраниться, посмотреть девушке в глаза, но она отворачивается, закрывая лицо руками.

– Ты будешь любить меня вечно?

– Конечно, малышка.

– До самой смерти?

А в сердце вбиваю гвоздь.

Одним ударом.

В груди горит.

Боль выжигает огнем свое клеймо.

Резко просыпаюсь, сажусь на диване, трясущей головой. За окном почти рассвет, первые лучи солнца освещают комнату. Понимаю, пора завязывать и делать дела, но для начала надо нанести визит своему старому когда-то другу.

С системой отопления и водопроводом пришлось повозиться, но все удалось запустить. Прошелся по дому, заглядывая в пустые комнаты, в хозяйской спальне была большая кровать, отдельная ванная, гардеробная. Когда-то у меня было много вещей, много ненужного хлама, а сейчас все, что осталось – это пакет с документами, два новых обручальных кольца, часы и фотографии прошлой жизни.

После душа снова посмотрел на себя в зеркало, надо бы побриться, но это подождет. Джинсы, футболка, кожанка, достал из ее кармана цепь с крестом, надел на шею.

А спустившись в гараж, застыл от удивления. Моя машина, черный «Рендж Ровер», так же, как и все в этом доме, на-

крытый целлофаном, покрытым пылью, стоял как ни в чем не бывало ждал хозяина все эти годы.

– Невероятно. Это кто же тебя так тут припарковал?
Машине был рад, права бы еще найти.

Сдернул целлофан, под правым колесом лежали ключи, сигнализация, конечно, отключена, в салоне душно, а на белой кожаной обивке – почерневшие от времени пятна крови.

Кровь не моя, другого человека, близкого. Повел головой, так что захрустели позвонки, курить захотелось смертельно, но не было ни одной сигареты. Несколько минут поковырялся под капотом, малышка не хотела заводиться, но вот Ровер зарычал, мигнул фарами, приветствуя хозяина.

– Да, малыш, я тоже скучал, – улыбнулся первый раз за эти дни.

Утренняя почти пустая трасса, крепкий кофе и завтрак в придорожном кафе, еще пришлось купить телефон и сим-карту, а все мысли о предстоящей встрече. Достал визитку, набрал номер, прослушал несколько длинных гудков.

– Да.

– Скажи охране на въезде в поселок, чтоб пропустили меня.

– Кто это? – голос стал взволнованным.

– А ты посчитай и вспомни кто.

– Черт, Данил.

– Все правильно, черт. Черт по твою продажную душу.

Отключился, бросая телефон на сиденье, сжимая руль,

утапливая педаль газа в пол. Не ждал «дорогой друг» и забыл совсем, а ведь меня не выпустили раньше времени за хорошее поведение, были бы рады еще накинуть, но я держался как мог, даже не убил никого.

Нашел очки, надел, майское солнце перестало ослеплять. Охрана в элитном поселке, сплошь застроенном дорогами коттеджами, пропустила, как только сказал, к кому еду. Красивый дом, большие окна с цветными витражами, белый мрамор ступеней, в вазонах цветы.

Дверь была открыта.

– Я смотрю, Минаев, ты красиво устроился, у тебя всегда была тяга к этой цыганщине, позолота, мрамор, дорогие ковры, цацки.

Прошел по огромному холлу, пол начищен до блеска, хрустальная люстра, вазы с живыми цветами по углам. Минаев Вячеслав Олегович спускался по ступенькам, торопливо поправляя манжеты белоснежной рубашки.

– Данил, я так рад тебя видеть.

Раскидывает руки в стороны, идет навстречу, а я, сняв очки и аккуратно положив их в карман, внимательно вглядываюсь в «старого друга», подмечая, что тот раздобыл, светлые волосы поредели, на лице лживая улыбка, от которой воротит.

Одно движение, удар, второй, Минаев летит на пол, зажимая лицо руками, белоснежная рубашка моментально пропитывается кровью, она капает на пол.

– Сафин, ты что, сдурел?

– Ты еще не видел, как я дурею.

Удар, еще один. Кулак так приятно ноет болью, слышу, как хрустят под кожей кости, это лучшее, что я услышал за последние семь лет. Минаев хрипит, захлебываясь собственной кровью.

– Ты, тварь конченная, мне ответишь за все, за все то дерьмо, в которое ты меня втянул, за все года, что я отмотал ни за что!

– Данил, о чем ты говоришь? Перестань, хватит, хватит, прошу тебя, перестань!

Я бы, наверное, убил его, ослепленный мстостью и гневом, если б не женский крик.

– Господи, что здесь происходит? Слава! Прекратите, я сейчас позову охрану!

Медленно поднимаю голову, смотрю на молодую женщину, что стоит на ступеньках, прижав руки к груди. В ее глазах кремешный ужас и паника, открывает рот, пытается что-то сказать, но не может, делает несколько шагов назад.

– Ты что, покойника увидела? Думала, я сдох там и сейчас воскрес?

– Данил... я... я...

– Что ты? Забыла, как меня ждать надо, «любимая»? Тебе напомнить? Или, дугу своему, бывшему, рассказать, как стоит дружить?

– Данил...я...

– Тварь, ты конченная.

Глава 5 Сафин

Смотрю на молодую женщину, она прижимает руки к груди, не в силах сказать и слово. Кажется, что ее парализовало от черноты и гнева, которые она увидела в моих глазах. Сжимаю кулак, смотрю на татуировку, голова змеи в крови, ее густые, тяжелые капли падают с костяшек на пол.

– Слава, мне позвать охрану? Слава, что с тобой?

– Нет, не надо, сами разберемся.

– Слава, но...

– Да. Слава, может, все-таки позвать охрану, а то вдруг я вас всех сейчас поубиваю? Что, страшно, да? Но я не буду никого убивать, слишком красивая смерть для вас, вы будете, суки ебанные, гореть в собственном аду на земле. Живьем.

С трудом, но беру себя в руки.

На самом деле ни к чему сейчас охрана и полиция, за любые нарушения закона меня могут закрыть обратно. И этот мой приезд должен быть всего лишь для разговора, но вот, не удержался. Продолжаю разглядывать молодую женщину, поднимаюсь на несколько ступеней, подхожу к ней ближе.

Даже в своих самых невероятных фантазиях я не мог представить эту встречу.

Как она отреагирует?

Что скажет?

Как будет себя вести?

Хотелось задать миллион вопросов, и самые главные из них: «почему?» и «за что?».

За что она со мной так поступила? Почему сделала это? Почему предала и даже не объяснилась?

Минаев уже поднялся с пола, вытирает кровь с лица, трясет головой.

– Ты знаешь, что поступила плохо?

Мой тихий голос, девушка делает шаг назад, прижимаясь к стене спиной.

– Данил, я... я просто... не могла, я так была напугана... я так боялась тебя и... сейчас боюсь.

– Боишься? Правильно делаешь, меня стоит очень сильно бояться.

– Данил, отстань от нее, Марина ни в чем не виновата. Ей было трудно, я поддержал.

– Трудно? Ей было трудно? В чем тебе, сука, моя бывшая любимая девушка, было трудно? Верить в меня? Сказать правду, что все кончено, что ты меня бросаешь именно тогда, когда я нуждался в поддержке? Что мать твою из этого было трудно произнести!

Выкрикиваю слова ей в лицо, самого снова кроет от гнева и ненависти.

Смотрю на Марину и не понимаю, как мог ошибаться в ней? Как мог так слепо любить и верить этим красивым глазам? Что тогда, в то время, происходило со мной, что я как одержимый, как замороженный слепо следовал за ней?

– Я ведь любил тебя, любил как безумный, одно твое слово, и я был готов кинуть под ноги целый мир. Все что угодно, построил дом, купил кольца, я душу был готов продать дьяволу ради тебя одной.

Во рту горечь, слова даются с трудом, это каждое из них правда.

Вижу, как ее голубые глаза наполняются слезами, как соленая влага тонкими дорожками стекает по щекам, но это меня уже не трогает. Марина изменилась, даже внешне, нет той чистой красоты и невинности, что была раньше.

Отчетливо видно, что грудь стала больше на несколько размеров. Она даже не пытается прикрыться, вырез халата разошелся, видно черное кружево белья, что облегает полушария. Губы стали больше, ресницы – неестественно длинными и густыми, а светлые волосы – короче.

Она сейчас похожа на куклу. Дорогую игрушку, что слепила из себя в угоду моде или своему мужику. Короткий шелковой халат, накачанные титьки и губы, длинные красные ногти. На пальце обручальное кольцо, мне становится смешно, а еще противно.

– Данил, Данил, прости меня, я... я так запуталась. Я совсем... это все так неожиданно... Слава помог, мне было так трудно после... всего, что случилось.

– Закрой свой поганный рот, не хочу тебя слушать, – грубо прерываю потоки ее несвязной речи.

– Данил, давай просто сядем и поговорим, разберемся как

цивилизованные люди, я помогу всем, чем могу, – Минаев перебивает.

– Чем ты мне поможешь? Тем, что вернешь семь лет, которые я отсидел за убийство, которое не совершал? Или расскажешь сказку, как вы утешали друг друга, как вам было тяжело здесь?

Кричу, переполненный гневом и ненавистью к этим людям, хочется ломать и крушить все, что попадется под руку. Они так ничего и не поняли, они все притворяются и делают вид, что ничего не случилось.

Марина, прижавшись к стене, глотала слезы, глаза полны ужаса, страха, а еще некого восхищения. Минаев не мог вставить и слово, а я продолжал обливаться дерьмом, в которое он меня втянул.

Надо было выговориться, не копить все в себе, выплеснуть эмоции. А лучше разбить обоим черепа об этот красивый мраморный пол.

– Марина, что происходит?

На произнесенный вопрос обернулись все.

У открытой входной двери стояла девушка. Она сделала несколько шагов, сжимая в руках бутылку воды, вынимая наушники из ушей, складывая их в небольшую сумочку, что висит на талии.

Облегающие лосины, майка, легкая ветровка и яркие красные кроссовки. Длинные волосы собраны в высокий хвост, на щеках румянец. Она облизывает губы и вопроси-

тельно смотрит на всех присутствующих.

– Влада, иди к себе, – Минаев сказал слишком резко и громко, девушка испуганно посмотрела на его залитое кровью лицо, шею и рубашку.

– Марина? Что здесь происходит? Точно все хорошо? Может, позвать охрану?

– Влада, делай, что говорит Слава, иди к себе.

Я узнал эту девушку.

Парковка у клуба, распущенные светлые волосы, ее глаза и мой откат в прошлое.

Вышел на середину холла, сейчас я преграждал ей путь, внимательно разглядывал цепким взглядом хищника. Стройная фигурка, длинные ноги, упругая попка и невероятно красивые голубые глаза.

Глаза – мой фетиш. По ним можно сказать многое.

– Кто ты такая?

– Данил, не трогай ее! Влада, что ты встала? Тебе сказали идти к себе.

Но девушка лишь сделала шаг в сторону и снова остановилась, уже сама, разглядывая меня, как что-то диковинное и опасное.

Отшатнулась назад, сжала бутылку сильнее, нахмурила брови, о чем-то думая.

– Я спросил, кто ты такая?

– Сафин, прекрати, ты пугаешь ее, – Слава подошел ближе, но я его не замечал, продолжая разглядывать девушку.

– Влада, меня зовут Влада, – голос тихий, но назвала свое имя.

– Данил, прекрати прессовать девочку, отпусти ее, – это уже Марина подала голос. – Слава, сделай что-нибудь, позовите охрану. Ну чего ты стоишь как дурак?

– Кто ты такая, Влада?

– Марина моя сестра, я живу здесь.

– Сестра, говоришь? Сколько тебе лет?

– Девятнадцать, – ответила неуверенно.

Подошел совсем близко, красивые черты лица, пухлые губки, вздернутый носик, по которому рассыпаны веснушки, длинные ресницы, но совсем не такие, как у Марины, а естественные, пушистые.

Тонкая шея, выпирающие ключицы, вот она заглянула в глаза, а меня словно ударило хлыстом по спине. Так отчетливо боль прошлась по позвоночнику, сжал плотно челюсти, скрипнул зубами.

– Ты пойдешь со мной.

– Что?

Никто не понял, что произошло дальше. Я легко подхватил девушку, перекинув через плечо, пошел на выход. Она сама осознала, что ее куда-то несут, после криков сестры и Минаева, начала брыкаться и сопротивляться.

Подбежала охрана, началась суматоха.

– Сафин, ты совсем сдурел? Это похищение, это статья, тебе одной мало? Я сейчас вызову полицию, и тебя снова

закроют.

– Да, давай посади меня еще раз, хотя сейчас это будет труднее, у меня есть то, что разнесет твою спокойную и размеренную жизнь в щепки.

– Слава, о чем он говорит? Останови его! Куда он ее уносит? Да что ты стоишь?

– Заткнись ты, блять, надоели твои истерики! Что же ты не кинулась на грудь любимого? Дрогнуло сердечко? Я видел как дрогнуло, как была шлюхой, так и осталась. Иди, отсоси ему, ты ведь этого хочешь?

– Слава, что такое ты говоришь? Что ты несешь? Как ты можешь? Это ведь все ты... это все из-за тебя...

Марина не успевает договорить, лишь вижу краем глаза, как Слава тащит свою жену в дом от глаз охраны, захлопывает дверь. Мне плевать, что там у них происходит, никто не посмеет остановить меня или встать на пути.

– Отпустите меня! Куда вы меня тащите? Прекратите!

Охрана ждала команды, но хозяин молчал, так и не вышел. Забросил испуганную девушку на заднее сиденье, сам сел за руль, заблокировал двери и спокойно выехал из ворот.

Глава 6 Влада

– Отпустите меня немедленно! Вы слышите? Остановите машину!

Вцепившись в спинку переднего сидения, кричу так громко, что у самой закладывает уши, всматриваюсь в профиль мужчины. Сейчас он пугал меня еще больше, чем там, в доме.

Первая мысль, что пришла в голову, когда, открыв дверь, увидела его с испачканными кровью руками, что я попала на съемку какого-то хоррора. А еще был страх, он сковывал все мышцы, не давая сдвинуться с места. Я реально решила, что это маньяк и сейчас он начнет убивать нас всех по очереди.

– Вы слышите меня или оглохли? Немедленно остановите машину и выпустите меня! Вячеслав это так не оставит, вы еще не представляете, с кем связались. Немедленно остановитесь!

– Будешь орать, сделаю больно! Заткнись и сиди молча!

Гаркнул так, что сердце ушло в пятки. Замахнулся локтем, дернулась назад, замолчала, во рту пересохло. Бутылка с недопитой водой после пробежки валялась на полу, подняла ее, сделала несколько глотков.

И зачем только срезала путь? Так бы зашла позже через вход со двора и не встретила бы этого мужика. И не стала бы свидетелем отвратительной сцены мужа сестры.

Мой взгляд остановился на окровавленной правой руке и татуировке, мужчина крепко сжимал руль, но рисунок на ней было трудно разглядеть.

Он, наверное, уголовник, сейчас вывезет меня за город, изнасилует, потом расчленит и закопает в разных местах. Обернулась назад, но не увидела за нами никакой погони и преследования. Огромный внедорожник уже выехал из поселка и даже не был остановлен охраной, которая подняла шлагбаум.

Почему Вячеслав ничего не сделал?

Почему не дал охране приказ оставить этого мужчину?

Ведь они бы смогли, у них есть оружие, их там пять человек.

Кто он такой и что происходит?

Забилась в дальний угол, из поясной сумки достала телефон, посмотрела на сеть, всего одно деление. На некоторых участках дороги, что проходила через высокие сосны, сеть пропадала совсем. Быстро набрала номер службы спасения, но телефон молчал. Затем попыталась дозвониться Марине, но это тоже было бесполезно.

– Черт, черт, ну давай же, давай.

Машина дернулась в сторону, пришлось схватиться за сиденье, но все равно ударилась плечом, простонала, раздался визг тормозов. Испуганно посмотрела на водителя, тот медленно повернулся.

По телу прошел озноб от его взгляда.

В глазах только дикая ненависть, яркие, дикие, пронзающие. Человеку с таким взглядом ничего не стоит прямо сейчас, одним ударом проломить мне череп.

– Дай сюда телефон.

– Нет, – начала дергать за ручку двери, пытаюсь открыть ее, ломая ногти.

– Отдай, сука свой телефон. Быстро!

Он протянул руку, а я уставилась на нее, теперь уже не в силах отвести глаз от черной засохшей крови на крупной ладони. Это кровь Вячеслава, начало мутить. Настоящая кровь, не бутафорская из фильмов и ее видимо было много.

Он точно убьет меня, вот этой самой ручищей, свернет шею, как декоративному кролику, оторвет голову, откинёт в сторону и просто поедет дальше по своим маньячным делам.

– Нет, – шепчу одними губами, прижимая к себе телефон, снова смотрю в его глаза.

– Не зли меня, девочка, я сейчас выйду и вырву его вместе с рукой.

– Вы убьете меня?

Но он не отвечает на вопрос.

– Дай сюда телефон. Кому сказал, дай сюда!

– Вы убьете?

Господи, да чего я все заладила этот вопрос? Конечно, убьет, вот как раз после того, как я задам его еще раз.

Тянется ближе, дергает на себя, вырывая из руки телефон в ярком чехле с нарисованными на нем клубничками. Со-

противляюсь, начиная отбиваться, кусаю его за кисть.

— Вот же сучка, а ну, дай сюда! Зубы пересчитаю, если еще раз такое сделаешь.

На губах металлический вкус крови, отчетливо чувствую ее запах, меня кажется, сейчас вырвет.

Мужчина, наконец вырвав телефон из моих рук, ругается матом, трогается с места, на ходу открывает окно и выбрасывает мой смартфон на асфальт. Я лишь вижу, как тот разбивается вдребезги, на несколько ярких осколков, на глаза наворачиваются слезы, больше от обиды, чем от боли.

Снова забиваюсь угол, забравшись с ногами на сиденье, обнимаю себя руками. Смотрю в окно, но совсем ничего не вижу из-за пелены слез.

Меня везет совершенно незнакомый мужчина в неизвестном направлении. Я даже не знаю дорогу, по которой мы едем.

Как такое вообще могло произойти? Почему Вячеслав ничего не сделал? Почему не послушал Марину? Кто вообще будет меня спасать от этого чудовища?

Задумалась, даже задержала дыхание от догадки.

Я видела этот взгляд совсем недавно, на парковке у клуба, девочки все никак не могли уехать, флиртовали с парнями, я нервничала. Второй раз в жизни меня уговорили сходить в такое заведение, от которого я совсем была не в восторге, но вот одноклассницам все очень нравилось.

Там был мужчина в капюшоне, на парковке, с таким же

взглядом, который пробирал до костей. Хотелось скорее уехать, закрыться, спрятаться. Не могла тогда объяснить своих эмоций, но хотелось бежать.

И вот снова он.

Точно он.

Потому что ощущения те же, их ни с чем не спутаешь.

От мыслей и предположений, что может со мной произойти, начала раскалываться голова, боль отдавала в висках.

Что дальше будет?

Куда меня везут?

Будут ли меня спасать?

Что он сделает со мной?

Завтра очень важные занятия в университете, конец учебного года, нужно закрывать сессию.

Господи, да какой институт, надо хоть живой остаться!

В салоне автомобиля было тихо, за окном шорох шин по трассе, мои собственные всхлипы на заднем сиденье. Мужчина включал магнитолу, полилась тихая музыка. Теперь захотелось не просто плакать, а выть от ужаса. Ведь именно так пропадают люди, даже останков не находят.

– Как тебя зовут?

Молчу, погруженная в собственные мысли. Музыка становится еще тише, машина, до этого петляющая по окраине, снова выехала за город.

– Мне остановиться и выбивать твое имя силой? Нравится боль?

– Зачем вам мое имя? Все равно ведь убьете.

– Зачем мне тебя убивать?

– А зачем вам меня куда-то вести?

– Я не убиваю по вторникам.

Он так был увлечен избирением, выяснением отношений, что даже не запомнил мое имени. Наверно это и к лучшему, не хочу, чтоб этот садист его произносило.

– Можешь не говорить, мне похуй.

Громко всхлипнула, зажав рот ладонью. Это чудовище точно меня убьет, ему даже имя мое не обязательно знать. Изнасилует, а может, будет делать это несколько дней, в извращенной форме, как показывают в фильмах ужасов. А когда мое тело ему надоест, отдаст друзьям, лучше уж сразу смерть.

Перерезать вены битым стеклом, но не дать над собой надругаться. Господи, как страшно-то. Телефон разбит, связи никакой, но надо собрать себя в кучу и попытаться сбежать.

Свернув с дороги, поворачиваем к небольшому супермаркету, на парковке несколько автомобилей. Надо открыть окно и кричать о помощи. Но как только я успела об этом подумать, машина остановилась, мужчина повернулся ко мне, по его глазам было видно, что он понимает все, что я задумала.

– Значит, тихо сидеть не будешь? А может, тебе язык отрезать, он нам ни к чему.

– Не-е-е-е-е надо, я тихо... буду тихо сидеть.

– Багажник.

– Что багажник?

– Поедешь дальше в нем.

– Нет, нет, я не хочу в багажник, я буду сидеть тихо.

Больше ничего не успеваю сказать, даже отшатнуться, вижу только лицо мужчины, искаженное в гримасе ненависти и злости. Выпад его руки, прикосновение к моей шее, острая боль, и я падаю в темноту.

Глава 7 Влада

Очень хочется пить.

Мне снится, как я большими глотками пью воду, черпая ее ладонями из родника. Она такая вкусная и холодная, льется из рук на подбородок, одежду.

– Эй, как там тебя? Очнись! Не хватало еще в больницу тебя везти.

Веки налиты свинцом, с трудом удастся их разлепить. Открываю глаза, но вижу лишь серую пелену. Пытаюсь отвернуться, но кто-то настойчиво льет воду, брызгая в лицо.

– Очнись, истеричка. Эй! Просыпайся!

Голос мужской, низкий, он вызывает не совсем хорошие эмоции. Приподнимаюсь, опираясь что-то твердое, сажусь, держусь за шею. Именно в ней была острая боль, которая прошла по всему телу, разрядом тока, и я отключилась.

Этот мужчина – виновник моего состояния.

Автомобиль, резкий выпад руки, болевой шок и мой обморок.

А еще он похитил меня – утром, на глазах сестры и ее мужа, охраны, и никто не помешал ему. Ни одна живая душа ничего не предприняла, и меня просто увезли неизвестно куда.

Пелена перед глазами рассеивается, контуры становятся четче. Полумрак, лицо мужчины, хмурые брови, шрам на ле-

вом виске, яркие глаза.

Мне становится трудно дышать, держусь за шею, начиная пятиться назад по полу. Хочу кричать, но не получается, просто открываю рот в немом ужасе.

Мне кажется, я только сейчас осознала весь кошмар ситуации, в которую попала. Но все еще есть надежда, что Вячеслав и Марина спасут меня, просто так нельзя похитить человека и удерживать его, это статья Уголовного кодекса.

– Все правильно думаешь, но тебя никто не будет спасать.

Мне в грудь кидают бутылку с водой, мужчина встает, проходится по комнате. Я даже не могу разглядеть, где я и что это за помещение.

Сажу на полу, на мне лосины для бега, любимые кроссовки, майка, ветровка, на поясе сумка, в которой лежал телефон и наушники. Волосы растрепанные, убираю их с лица, но когда взгляд останавливается на правой ноге, мне хочется кричать.

Моя лодыжка закована в наручник, а другая его часть пристегнута к цепи, которая тянется к батарее в углу комнаты.

– Что это такое? Как... как... за что? Что... что вы делаете?

У меня на самом деле нет слов, в голове все перепутано, а в сознании не укладывается все сейчас происходящее. Держу ногой, но причиняю этим только боль.

– Что тебе не нравится? Я ведь не убил тебя, как ты боялась. Жизнь – это самый ценный дар.

– Как вы можете? Что я вам такого сделала? За что? Кто вы такой?

Меня накрывает самая настоящая истерика, дышать становится трудно, глотаю воздух, но он практически не попадает в легкие.

Я пленница, как в каком-то жутком хорроре, где девушку запирают в подвале или комнате без окон, в которой больной маньяк держит и насилует ее в течение нескольких лет, при этом кормит из ложки, а потом принимает роды.

Господи, дай мне умереть прямо сейчас.

Господи, пожалуйста.

Звонкая пощечина, откидываю голову назад, но перестаю плакать, не дышу, смотрю перед собой. Мужчина сидит на корточках, сдавливая щеки, заставляя открыть рот, вливает в меня воду, захлебываюсь ею, но глотаю.

– Успокоилась?

– Не-е-е-ет.

– Я могу успокоить по-другому, так, чтоб уж сразу.

– Нет... не надо.

– Тогда сиди смирно и слушай внимательно. Теперь это твой дом.

– Как – дом? – ничего не понимаю, верчу головой, взгляд цепляется за кровать, тумбочку, встроенный шкаф, темный прямоугольник окна.

– Дом, в котором ты будешь жить, пока я этого хочу.

– Но... но... меня будут искать... Марина...

– Забудь про Марину и не произноси имя этой лживой твари в моем доме. Никогда, сука! Ты поняла меня? Никогда!

Он так громко кричит, что закладывает уши, зажимая их ладонями, ударяет кулаком в пол, опускаю глаза и вижу на руке мужчины змею. Дергаюсь назад, подползая к кровати, с детства боюсь змей.

Но это не живая змея, а татуировка. На кисти ее открытая пасть с острыми зубами, а тело обвивает руку до плеча. На нем темная футболка, джинсы, а в глазах отражение моего ужаса.

– Хорошо... ни-и-ко-о-о-гда-а-а-а... хор-р-р-о-о-ошо-о, – заикаюсь, киваю в знак того, что никогда не произнесу имя своей сестры.

– Сидишь тихо и не дергаешься, там туалет, – он указывает в сторону, но я смотрю лишь на него, прижимая ладонь к щеке, по которой он залепил пощечину. – Окно без ручки, не смей кричать или звать на помощь, тебя никто не услышит. Но если ты начнешь выкидывать фокусы – отведу в подвал. Поняла меня?

– Я...

– Если мы не договоримся сейчас, я найду старый матрас, и ты будешь сидеть в темноте сутками и срать в ведро.

– Нет...нет...я буду...буду тихо.

Смотрит еще несколько долгих секунд у него невероятно-го цвета глаза, я даже вижу несколько крапинок на радужке.

Встает, уходит, не закрывая дверь. Нахожусь в ступоре, прижимаю бутылку с водой к груди, совсем не зная, что делать и как быть. Надо успокоиться, подумать, а потом поговорить с ним как с человеком.

Нет, он не человек. Люди так не поступают.

Опять накрывает отчаянье, слезы сами текут по щекам, поджимаю под себя ноги, цепь и наручники звенят. Тяну за нее, дергаю, но все бесполезно. Прислушиваюсь, откуда-то доносятся удары.

Даже не знаю который сейчас час, так обидно, что он отобрал телефон и разбил его. Пью воду, вытираю слезы. Надо собраться, а не сидеть безвольной жертвой, если не прикончил и не изнасиловал сразу, то, может, этого и не будет?

Наивная.

Медленно поднимаюсь, в комнате стало совсем темно, свет идет лишь через открытую дверь, там комната или коридор. Иду туда, наручник больно натирает ногу, цепь скребет по полу, она достаточна длинная.

Но вместо комнаты я попадаю в просторную ванную комнату. Душевая за матовым стеклом, темный кафель, унитаз, две раковины, общая столешница, зеркало с подсветкой, шкаф.

Везде пусто, только зубная щетка, паста и кусок мыла. Хочу открыть другую дверь, но цепь останавливает меня, даже не могу дотянуться рукой до ручки. За ней, наверное, еще одна спальня, обычно так делают в больших домах – смеж-

ную с хозяйской спальней детскую комнату.

Смотрю на себя в зеркало, волосы растрепанные, губы искусаны в кровь, глаза опухли от слез, щека красная. Долго умываюсь холодной водой, не могу думать о том, что может быть дальше.

Марина, наверное, места себе не находит, и Вячеслав тоже. Снова удары, вздрагиваю, лицо и руки вытереть нечем. Ухожу в отведенную мне комнату, щелкаю выключателем, щурю глаза от яркого света.

Ведь должно что-то быть, что поможет мне выбраться или защитить себя. Шарю по шкафу, но в нем только новое постельное белье в упаковке, подушка, одеяло и пустые полки. Заглядываю под матрас, там ничего.

У батареи долго дергаю цепь, пытаюсь освободиться, но бесполезно. Но окно не заколочено, а просто вырвана ручка. Выключаю свет, но ничего не могу разглядеть, только деревья.

Можно разбить окно тумбочкой, но не уверена, что у меня это получится. Сейчас уже ночь, этот зверь может прийти снова, только будет еще более злым и свирепым.

Забилась в угол, кусая пальцы, чтоб снова не разреветься. Долго пью воду из бутылки, живот урчит, с того вечера ничего не ела. Надо быть сильной, надо давать сопротивление. Но как быть, если я совсем не сильная?

Как быть, что я не привыкла к такому. Мы с мамой жили тихо и мирно, а грубое отношение я видела только у соседей,

когда тетю Клаву регулярно колотил ее муж Толик и она ходила с синяками.

Но, то совсем другая история, а моя, словно страшная нереальная сказка и чем дальше, тем страшнее.

Глава 8 Влада

Я бежала так быстро, что легкие горели огнем. Вокруг была крошечная темнота и тишина, что было слышно лишь мое дыхание и хруст веток под ногами. Я постоянно оборачивалась, пробираясь сквозь лесную чащу, ветки царапали лицо и руки. Спотыкалась, падала, снова поднималась и бежала, сама не зная куда.

Лишь бы дальше от этого места и дома.

От этого человека.

Просыпаюсь как от удара. Вытираю мокрые от слез щеки. Сон, это всего лишь сон. Дверь в ванную так и открыта, там горит тусклый свет, а еще я слышу, как льется вода.

Медленно встаю, иду в ту сторону, цепь волочится по полу. Дверь в соседнюю комнату приоткрыта, но там темно, я так и не смогла дотянуться до нее. В душевой кабине человек, за запотевшим стеклом мужской силуэт.

На полу рядом одежда: джинсы, белье, футболка. Мысль приходит ментально как можно тише, взяв в руку цепь, крадусь к вещам в надежде, что в карманах есть хоть что-то: зажигалка, нож, а если повезет – ключ от наручников.

Сердце рвется из груди частыми ударами, во всем теле невероятное напряжение. Нужно сделать всего несколько шагов, это займет пару секунд, но кажется, что проходит целая вечность.

Я постоянно замираю, смотрю на душевую, вот мужчина застыл на месте, вот за матовым стеклом склонилась его фигура. Я приседаю на корточки, дрожащими пальцами ощупываю одежду, до боли кусаю губы, потому что в карманах ничего нет.

– Ты что-то потеряла или хочешь присоединиться ко мне?

Вот сейчас я забываю вдохнуть, поднимаю голову, он стоит в проеме душевой, высокий, поджарый, четкий рельеф мышц, татуировка змеи опутывает всю правую руку. На теле есть еще рисунки, но я стараюсь не рассматривать их.

Широкая грудь, дорожка темных волос уходит в пах. Не хочу смотреть вниз, но так получается, что все-таки останавливаю взгляд на его члене. Он немного возбужден, толстый ствол покачивается, крупные яйца, с них стекает вода.

Мои щеки горят огнем, я никогда раньше не видела голого мужчину вот так, живьем. Стыдно признаться, но в свои девятнадцать лет я еще девственница и даже толком ни с кем не целовалась.

– Так что ты хочешь найти в моих вещах?

Он выходит, все так же продолжая смотреть на меня, отчего внутри все скручивается тугим узлом страха. Пячусь назад, но не успеваю убежать, как чувствую его сильные пальцы на своей шее.

– Я... нет... ничего... не надо...

– Ничего? Тебя учили шарить по чужим вещам и воровать?

– Нет... нет.

– Что нет? Этому тебя учила сестра?

– Нет.

– Ты такая же продажная лживая тварь, как и она?

– Нет, отпустите меня, пожалуйста, я ведь ничего вам не сделала, пожалуйста.

Снова накрывает истерика, слезы текут уже сами собой от постоянного напряжения и страха. Я совсем не вижу его лица, только чувствую обжигающее дыхание, цепкую хватку стальных пальцев, а еще жар обнаженного тела.

Несколько долгих секунд молчания, мужчина отпускает меня, держусь за шею, сглатываю.

– Иди к себе и не высовывайся. Не заставляй делать тебе больно. Или тебе нравится боль?

– Но...

– Ты поняла меня? Ты теперь моя, дань, которую я забрал и буду делать с ней все, что захочу. Сейчас я хочу, чтоб ты пошла на свое место и сидела тихо и не высовывалась!

Разворачиваюсь, ухожу. Господи, как это все унижительно, как ужасно и кошмарно.

Я – что? Дань?

Я даже не человек, а вещь, которую он просто так пришел и взял, но за что?

Почему именно я?

Нечем дышать, снимаю ветровку, поясную сумочку, кроссовки, сажусь на кровать, жадно пью воду из бутылки. Разу-

ваюсь, ложусь на постель, обнимая себя руками.

Я так хочу домой, к себе домой, не в особняк к сестре, а именно к себе, в нашу с мамой маленькую квартирку, где пахнет булочками с корицей и чаем с мятой. Где я так была счастлива, пока не пришла беда.

– Мама... мамочка... помоги мне. Помоги мне, пожалуйста.

Понимаю, что слезами я ничем не помогу себе, но ничего не могу с этим поделать. Я сейчас совсем немного пожалею себя, потому что больше никому, а потом стану сильной и выберусь из этого дома.

Не знаю, сколько проходит времени, кажется, я опять задремала, со стороны открытой ванной слышу шум, голоса. Женский, точно, там была женщина. Вскочила на ноги, цепь заскребла по полу, быстро вошла в ванную.

Так хотелось кричать о помощи, но страх взял верх, я лишь стояла и слушала, что происходит за закрытой дверью. Голосов больше не было слышно, лишь стоны, а потом крики, шлепки, скрип.

– А-а-а-а-а... ты меня порвешь, Саф, больно... а-а-а-а... черт! Да...да...еще...сука...какой же ты огромный...а-а-а.

– Молчи, сука. Давай сюда свой рот.

Секс, там занимались сексом.

Радовало лишь то, что там трахали не меня, а какую-то другую женщину. Не факт, что она мне поможет, все может выйти только хуже.

Стоны и глухое мычание продолжались, стало противно и горько. Голова раскалывалась от боли, посмотрела на себя в зеркало, лицо все опухло от слез, на шее отчетливые синяки от пальцев.

Собрала растрепанные волосы в хвост, умылась холодной водой, еще раз попыталась дотянуться до двери, но никак не получалось. Что я хотела там увидеть? Как это чудовище трахается? Нет, я хотела, чтоб та женщина заметила меня, дать ей хоть какой сигнал о помощи.

А она так и бросилась не помогать?

Легла на пол, так моего роста хватило, чтоб ладонью приоткрыть дверь. Та медленно и тихо начала открываться, в комнате был полумрак. Но даже так я видела, как напротив меня на широкой кровати с мятыми простынями обнаженный мужчина, держа женщину за волосы, имел ее рот, запихивая член до самых яиц, так что ее горло вздувалось от проникновений.

Я как ненормальная не могла отвести взгляд от всего, что происходило. Женщине нравилось, что с ней делают, она помогала себе руками, массировала основание члена, когда тот выходил из ее рта. По подбородку текла слюна, голая грудь колыхалась, при этом она трогала себя между ног, издавая стоны.

Вот мужчина остановился, вынул свой член, огромный, блестящий от слюны, провел по губам девушки, та улыбнулась. Но он тут же дал ей легкую пощечину, развернул, по-

ставив раком на кровать. Быстро раскатал по члену презерватив и вошел в нее одним резким движением.

Я не могла поверить, что все еще продолжаю смотреть на акт совокупления. Это был не секс, который я всегда себе представляла, который должен происходить между мужчиной и женщиной. Он драл ее, брал, имел, как животное, как сучку, что поймал в подворотне, вгоняя свой орган как можно глубже.

Я сидеть на полу и смотрела, не в силах отвести глаз, поражаясь, как женщине нравится все это, как она кричит, стонет, насаживается сама на огромный член двигая бедрами. А я смотрела на идеальное тело мужчины, на то, как поджаты его ягодичы, как спина напряжена и виден рельеф мышц под кожей покрытой чернилами татуировок.

Но тут меня словно ударило током, потому что сейчас он смотрел прямо на меня. Трахал другую женщину и смотрел. Быстрые движения, он входит, членом, кажется, разрывая девушку на части, но смотрит мне в глаза.

Она кричит, извивается, пытается вырваться, но он продолжает трахать. Мне бы надо уйти, не видеть всего этого, но вот его тело замерло, несколько более глубоких толчков, челюсти плотно сжаты, взгляд совершенно дикий и затуманенный.

Он кончал, я поняла это.

Мои руки тряслись, тело горело, стало так душно и жарко, я не могла понять, что со мной происходит. Отвернулась,

встала, быстро вышла из ванной, закрыв дверь в отведенной мне комнате, прислонилась к ней спиной.

Низ живота тянуло болью, грудь отяжелела, сердце беспокойно билось в груди.

Я так и не позвала на помощь.

Глава 9 Сафин

Уехал вечером, хотел встретиться с Каримом, но его не было в городе. А стриптизерша, которую я первый раз трахал в клубе, навязалась в гости, наглаживала мои колени всю дорогу, моргала ресницами, ерзала на сиденье.

Надо было свернуть на обочину и дать ей то, что она так просит. Неужели все бабы такие голодные? Но я повез ее в свой дом, а там уже в спальне понял, что за нами подглядывают.

А может, я все это сделал специально?

Третьи сутки кого-то трахаю, а удовлетворение не наступает, и голод так и не проходит. Лишь механические движения, никаких эмоций и тем более чувств. Вымученные оргазмы, легкая эйфория, получая столько же, можно просто курить шмаль или бухать.

Думал, моя пленница закричит, позовет на помощь, начнется истерика, но чем дольше я имел стриптизершу, имени которой так и не запомнил, тем больше меня заводила эта ситуация.

А она молчала. Молчала и смотрела.

Надев презерватив, вогнал член по самые яйца, схватив шлюху за волосы, драл ее, как бешеное животное, а сам смотрел в глаза своей пленнице.

Влада.

Ее зовут Влада.

Красивое имя.

Даже из полумрака видел, как приоткрылся ее ротик, как она часто дышит, и венка пульсирует на шее. Смотрел в ее раскрытые от удивления и шока глаза и уже не мог остановиться.

Не видела никогда ничего подобного? Девственница? Да ну на хуй.

На миг в сознании вспыхнули другие картинки: распущенные светлые волосы, намотанные на мой кулак, изгиб тела, упругая попка, протяжные и сладкие стоны.

Ее стоны. Ее тело и попка.

Кончал, издав грудной рык, плотно сжав челюсти, продолжая смотреть на свою пленницу. Но вот она резко скрылась, а я не мог отдышаться сейчас, с этим странным видением все было иначе.

Извращенец долбанный.

– Уходи, я вызову тебе такси. Держи деньги.

Встал, снимая презерватив, замотал его узлом, кинул в пепельницу, потом уберу. Взяв сигарету, прикурил, жадно глотая дым. Кидаю на кровать несколько купюр.

– Но, Саф, ночь, куда я? Можно останусь?

– Не хочешь на такси, ебашь пешком, до города недалеко, может, какой дальнобой подберет.

– Давай я останусь до утра, и денег не надо, я ведь не из-за них с тобой.

Делаю несколько затяжек, смотрю на девушку, та, красиво изогнув тело, лежит на измятых простынях. Но мне уже это неинтересно.

– Вызывай такси. Хотя нет, сам подброшу до заправки.

Ее нельзя оставлять здесь до утра, да и надо сигарет курить, зря вообще привез в дом.

Усадил в машину, выехали с участка.

– У тебя красивая татуировка, словно живая, – девушка тянется к моей руке, но я перехватываю, больно сжав запястье.

– Ай, больно.

– Я не люблю, когда меня трогают просто так. Тебя, как зовут?

– Сабина.

– А если серьезно?

– Светлана.

– Скажи, Света, Карим хороший владелец клуба? Что там у вас кроме девок и пошла?

– Да вполне, не обижает, – Сабина-Светлана забралась с ногами на сиденье, скинув туфли, на лице косметики не осталось, теперь было видно, что совсем молодая. – Бывает, конечно, всякое, то братья его приедут, приходится работать больше, а там трава, кокс, кальяны, ебут часами.

– Часто приезжают братья?

– Нет, раз в месяц, в первых числах.

Значит, каждый месяц Кариму привозят новый товар, о

чем догадаться несложно. Гуляют, отмечают, дегустируют, сами когда-то делали так же, но это такое дно, что лучше не начинать.

– Что еще интересного?

Не знаю, для чего все это выпытываю, но чувствую, что есть много любопытных моментов, которые могут пригодиться. Девушка разговорчивая, на стриптизершу вроде все обращают внимание, но никто не воспринимает серьезно, стоит себе, жопой крутит, но все замечает и слышит.

– Менты гуляют регулярно, Карим перед ними стелется, как шлюха, готов сам очко подставить.

Интересно.

– Что за менты?

– Мерзкий такой, толстый, подпол, Мальцев, да, точно, Мальцев. Любит девочек совсем молодых, козел конченный.

А вот это еще интересней, эта Светлана-Сабина ящик Пандоры для меня приоткрыла. Хотя ну, сука, кого сейчас удивишь поставками наркотиков и любителями малолеток? А вот тут уже важен сам любитель и то, сколько звезд на его погонах.

Давно приехали, стоим у заправки.

– И часто Карим принимает Мальцева вот так, в открытую?

– Нет, что ты, там все через черный ход, конспирация, как в кино, будто никто ничего не знает. Но все молчат, себе дороже, и ты не говори, что проболталась, вечно у меня так,

несу не пойми что.

Смотрит испуганно, ждет ответа.

– А про меня, что говорят?

– Про тебя? – а вот тут замаялась, стала кусать губы, смотреть по сторонам. – Ничего особенного, что скоро выйдешь, что кому-то придется несладко, так, ерунда всякая, сплетни.

Вижу, что недоговаривает что-то, испугалась, а вот про Карима и Мальцева лепетала бодро. Да уже и не так интересно.

– Иди, вон такси.

– Ты ведь никому не расскажешь?

– Не расскажу, иди.

Надела туфли, быстро выскочила, запрыгнула в такси. Сажу в тишине, лишь шум иногда проезжающих машин по шоссе. Надо купить еще еды и накормить завтра мою пленницу. На хрен только придумал такой головняк себе? Мешать только будет.

А бывший друг не спешит спасать родственницу, вот это странно. Лишь Марина звонила, плакала, просила вернуть сестру, даже слушать не стал, вообще выключил телефон.

Другой бы на месте Минаева развернул бы уже боевые действия, а этот прижал хвост, словно чует, сука, что так просто я от него не отстану.

Или что-то тварь задумывает. Славка всегда был хитрым и умным, умел говорить с людьми, это я больше кулаками махал.

Выкурил две сигареты, купил еды, вернулся домой. Взяв бутылку с водой и яблоко, поднялся наверх, включив свет в ванной, открыл смежную дверь. Но не успел сделать и шаг в комнату, как меня повело в сторону, голова загудела. Удар, второй, увернулся, выпад кулаком, чисто по инерции, вскрик и звук падающего тела.

Вот же сучка какая.

Включил свет, держусь за голову, смотрю на пальцы, на них кровь. У моих ног, раскинув руки, лежит девчонка, рядом куски разобранной прикроватной тумбочки, яблоко и бутылка с водой.

Присев на корточки, заглядываю в лицо. Удар, наверное, пришелся в висок. Без сознания, дыхание ровное, распущенные волосы, короткий топ, облегающие лосины.

Шею сразу ей свернуть или дожидаться, пока очнется?

Морщась от боли в голове, хлопаю по щекам, но нет никакой реакции, лью воду из бутылки, начинает стонать, приходить в себя. А когда открывает глаза, дергается назад, но снова стонет.

– Больно, да? А вот и мне тоже. Ты какого хрена творишь? Я сказал, сиди тихо, что непонятно в моих словах? Ты, сука, приключений захотела?

– Ты чудовище, мерзкое животное.

– Я сейчас огорчу тебя, девочка, я еще хуже. Ты будешь здесь, сколько мне надо, и я сделаю с тобой все что угодно, если ты выкинешь еще хоть один фокус.

Смотрит испуганными глазами, хотя вот совсем недавно не боялась, а была по голове.

– Ты на что надеялась – убить меня? Так надо было сильнее в шею, острым краем задеть артерию, чтоб я истек кровью. И ты бы тут сидела с трупом прикованная цепью. Так хочешь?

На ее лице ужас, губы дрожат, как же, сука, она похожа на Марину, но у той в глазах был огонь, а у этой чистое, прозрачное озеро, полное слез. Такое, дьявол, безумно красивое. Ненавижу сам себя, что не могу насмотреться в них.

Сжимаю кулаки, встаю, выключив свет, ухожу в ванную, закрыв дверь. Вот же кошка дикая, так могла и гвоздем в глаз попасть. Смываю кровь с головы, там приличная шишка, зря, конечно, ударил ее, но это рефлексy, выработанные годами, если бьют, то бей сильнее, потому что бежать некуда. Пусть «спасибо» скажет, что не убил дуру.

– Завтра прикую тебя наручниками к кровати, голую, – говорю громко, чтоб слышала и думала, прежде чем что-то сделать.

Надеюсь, что у нее там не сотрясение, а то возни больше будет.

Глава 10 Влада

Сижу на полу, держась за голову, план был ужасный. Я правда думала, что смогу оглушить его, в кино все было именно так. Злодей получал по голове, падал, и у несчастной героини оставалось несколько минут в запасе, чтоб отыскать ключи от наручников, освободиться и убежать.

Но мы не в кино.

А я совсем невезучая героиня.

Мой удар был для него ничто, господи, какая же я глупая. Ведь он мог не просто вскользь заехать мне в висок, а дать со всей силы, что мозги бы не собрала. Он ведь реально совершенно безбашенный и неуправляемый.

Снова становится обидно до слез, а еще страшно.

В нем ничего святого, ни жалости, ни сострадания. Вытираю слезы, размазывая их по щекам, кажется, что я уже насквозь пропитана этой соленой влагой.

Поднялась, легла на кровать, надо успокоиться и, может, попытаться с ним завтра договориться. Если просто так сидеть и ждать со страхом каждый его визит, можно тронуться умом.

Держусь за голову, я на самом деле отключилась после удара, во рту горечь, наверное, действительно сотрясение. Так было, когда я маленькая каталась на коньках и после неудачного поворота приложила головой об лед.

– Ублюдок конченный, – процедила обидное ругательство сквозь зубы, сжала кулаки.

Похитить, посадить, как животное на цепь, ударить беззащитную девушку может только совершенно отмороженный и аморальный человек. Нет, я даже человеком не могу его назвать.

Чем ему так не угодил Вячеслав?

Ведь он уважаемый бизнесмен, Марина рассказывала, что они давно вместе. Мне было двенадцать лет, когда она вышла замуж, но на свадьбу нас так и не пригласила. Мама тогда очень удивилась, что ее единственная племянница скрыла такое радостное событие, но, видимо, у нее на это были свои причины.

Хотя Маринка всегда любила хвастаться и воображать, она бы непременно собрала всю родню, чтоб показать, какая у нее крутая и богатая свадьба. А еще какой состоятельный и уважаемый в городе жених, и что она теперь будет жить как в сказке.

В те времена мы были с ней близки, до тех пор, пока она не переехала в большой город и не влюбилась. Помню, рассказывала по телефону, а у самой голос дрожал, говорила, что тот парень самый лучший на свете, что она очень счастлива. А потом звонки стали реже и радости в голосе двоюродной сестры уже не было.

Марина была так напугана в это утро, словно увидела призрака. Никогда не видела ее такой за год, что живу в их до-

ме. Не хотела стеснять родню, от института мне полагалась комната в общежитии, но Марина настаивала, да и муж ее был столь любезен и разрешил.

Вячеслав очень странный, с виду галантный, никогда ни на кого не повысит голос, но я замечаю, как он бледнеет и поджимает губы, когда что-то идет не по его плану. А еще мне не нравится его взгляд, когда он смотрит, думая, что не замечаю. Но я его чувствую, взгляд липкий и вязкий, хочется укрыться от него.

Я после смерти мамы осталась совсем одна, Марина моя двоюродная сестра, она помогла с похоронами, с переводом в университет – сразу на второй курс из моего училища. Было так тяжело, словами не передать, и сейчас временами накатывает тоска, так что хочется волком выть.

Марина – она хорошая, часто говорит, что я на нее похожа, что такая же наивная была в моем возрасте, что любила без памяти. А еще часто говорит, чтоб я не верила мужчинам, а жила своей головой.

Вздрогнула, за дверью шум. Гулкие и монотонные удары. Господи, дай мне сил все пережить. Мама говорила, что ты не пошлешь больше испытаний, чем мы готовы вынести.

Но как можно вынести такое? Какие нужны нервы и силы? Снова заснула, проваливаясь в черную и холодную пустоту. Теперь я не бежала, боясь быть пойманной, а была придавлена горячим мужским телом. Он рвал меня на части, вонзаясь глубоко своим членом, причиняя острую боль.

Она была везде. Точнее, я была этой болью.

А еще...еще чем-то мне незнакомым.

Жадные поцелуи были укусами, кожа горела, я извивалась, сопротивлялась, отталкивала его, не могла и ... не хотела.

Резко проснулась, села на кровати и тут же наткнулась на взгляд мужчины, он просто стоял и разглядывал меня. От испуга начала отодвигаться, но он ничего не предпринимал, не двигался с места, а просто смотрел.

Было уже светло, его широкая спина закрывала оконный проем, и он снова был почти обнажен. Лишь полотенце, обернутое вокруг талии, а вода с волос стекает на грудь тонкими дорожками.

– Что... что вам надо? Снова пришли ударить беззащитную девушку?

– Такая уж и беззащитная? Ничего не сломала за ночь? Точила гвоздь, чтоб воткнуть его мне в шею?

– А вот это идея, спасибо за совет.

Снова я не то говорю, а надо бы узнать, что ему вообще нужно от меня.

Держусь за голову, слева немного болит. Под его взглядом неуютно, но в нем сейчас не ненависть, лишь любопытство.

– Я принес завтрак, поешь.

– Вы долго будете меня здесь держать? Я хочу домой, вы отпустите меня? – мой тихий голос как шелест, во рту пересохло.

– Голова болит?

Какая забота, даже противно.

– Вы убьете меня?

– Если будешь сидеть тихо, то с тобой ничего не случится.

Я сглатываю, быстро скользя взглядом по его телу, все та же устрашающая татуировка змеи с раскрытой пастью на правой кисти. Есть еще сердце, в него воткнут нож обмотанное колючей проволокой, цифры, череп, что-то еще.

Он реально весь одна сплошная мышца, замечаю несколько шрамов на ребрах и животе, а еще отчетливый бугор под низко сидящим на бедрах полотенцем.

– Ты что-то не разглядела во мне вчера в душе? Могу показать ближе, – в голосе наглая ухмылка.

Чувствую, как краснею, отворачиваюсь, сжимая покрывало пальцами. Животное, самое настоящее похотливое, мерзкое животное, вот кто он.

– Твой завтрак, ешь и не высовывайся, там есть таблетка, выпей, голова пройдет.

Отворачивается, уходит.

– Какая забота.

– Ты что-то сказала?

Прикусила язык, чтоб не получить снова, пусть лучше уходит, так спокойней. Лучше быть одной и совсем его не видеть, меня спасут, обязательно спасут. Так не бывает, мы не в средневековье, и не на востоке, где можно просто так похитить человека и продать его.

А что если он на самом деле продаст меня в бордель, после того как изнасилуется?

Сердце снова бешено бьется, выламывая ребра, страх накатывает липкой волной по телу. Нет, этого не может быть. Это только в дурацких любовных романах, которые я читала тоннами, такое бывает. А еще там обязательно жертва влюбляется в своего насильника, это еще более невыносимая чушь.

Блуждая по комнате взглядом, только сейчас увидела, что на обоях рисунок из голубых облаков. Наверное, это должна была быть детская комната, я бы сделала ее именно здесь, ближе к спальне родителей.

Не вяжутся эти облачка с тем зверем, что похитил меня, может, это и дом не его, а он убил хозяев, и сейчас их тела лежат в подвале?

Нет поломанной тумбочки, а на полу стоит разнос с тарелкой каши, стаканом молока и булочкой с маком.

Как мило, я даже удивлена, что вижу это, а недохлую крысу и стакан грязной воды.

В животе урчит, медленно встаю, прислушиваюсь к своим ощущениям, голова и правда немного болит. Раздумываю, пить ли таблетку, предложенную этим чудовищем, а вдруг это наркотики или транквилизатор? Я засну, а он воспользуется моей беззащитностью и изнасилуется всеми извращенскими способами.

Ой, да ему не нужно никого насиловать и усыплять, любая

даст, взять хоть вчерашнюю девушку. Перед глазами снова та картина, как его огромный член входит словно поршень, глубоко, как девушка стонет от удовольствия, ей вчера было очень хорошо.

А мне вновь становится жарко. Так, надо обязательно поесть, объявлять голодовку не вариант. Каша вполне съедобная, молоко холодное, а булка свежая. Ем все, запиваю таблетку. Интересно, какой сейчас час, пытаюсь разглядеть за окном территорию, но видно лишь заросший участок, высокий забор и лес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.